

УДК 811.161.1'373.2-112'23:331"19"(47)

Г. С. Яроцкая

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри прикладної лінгвістики

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Целью данной работы является анализ языковой объективации концептуального пространства «трудовая деятельность» в русском языке советского периода. В результате проведённого анализа делается вывод о наличии семантической преемственности ценностных смыслов предыдущих периодов в лингвоидеологии труда советской пропаганды. Опора на ценностный потенциал труда=служения, реализованный в семантике языка досоветской России, способствовала героизации труда в языковом сознании советских граждан.

Ключевые слова: труд, советизмы, лингвоидеология, ценностный потенциал.

Актуальность проблем лингвистической интерпретации ключевых концептов советского времени связана, в первую очередь, с возрастанием в наше время значимости идеологической составляющей общественного сознания. Воздействие на язык и современные дискурсивные практики идеологии требуют всестороннего анализа семантической информации, фиксируемой в словарях и извлекаемой носителями языка и культуры из языковых единиц, репрезентирующих ту или иную идеологическую модель государственной политики. В данной статье рассмотрены лингвокультурные характеристики концепта ТРУД советского периода. В исследовании использованы принципы комплексности, многомерности, вербальной репрезентативности ментальных единиц на системно-языковом уровне.

Цель исследования – определение лингвокультурных признаков концепта ТРУД в языке советского периода. **Объект** – лексические средства языковой объективации концептуального пространства «трудовая деятельность». **Предмет** – лингвокультурные аспекты вербализации отношения к труду, позволяющие раскрыть систему базовых ценностей и социально-экономических норм советского общества.

Материалом исследования служат лексические единицы, извлечённые способом сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [10 (ТСУ)], «Толкового словаря языка Совдепии» под редакцией В. М. Мокиенко [11 (ТСЯС)], а также из Национального корпуса русского языка [7 (НКРЯ)].

Учёные, исследующие особенности языка советского общества, не отмечали аксиологическую поляризацию, которая проявлялась в существовании двух разных аксиологически разведённых рядов лексических единиц в зависимости от того, о ком / о чём идёт речь – о *своём*, советском или о *чужом*, буржуазном, вражеском [2; 3; 4]. В соответствии с одним из ключевых положений советской идеологии, все (даже внешне сходные) явления в коммунистических странах и странах Запада (*капиталистических, империалистических*) имеют совершенно различную природу (ср. устойчивые выражения *два мира – две системы, два образа жизни*). Это обуславливает аксиологическое расщепление их номинантов: положительными оценками и коннотациями сопровождаются языковые единицы, описывающие одни и те же сущности, факты коммунистического мира, и отрицательными – капиталистического (*соглашение / сговор, почин / происки, руководитель / главарь, революция / мятеж, соревнование / конкуренция*). Субстантивированное причастие *трудящиеся* употреблялось не только по отношению к советским людям, но применялось также для обозначения граждан западных стран, однако в контекстах противопоставления буржуазии и трудового народа (*широкие массы трудящихся и кучка эксплуататоров*). Лексема *безработица* употреблялась только в отношении западных капиталистических стран и причислялась к тем порокам буржуазного общества, в котором одни эксплуатируют других. *Обязательная трудовая занятость* при социализме и *массовая безработица* при капитализме создавали идеологические оппозиции, в которых закреплялось противопоставление у нас / у них. Пресуппозиция «свободный» в сочетаниях *советский труд, труд при социализме* выстраивала антонимические отношения с понятиями *эксплуатация, труд при капитализме*.

На наш взгляд, в любого рода пропаганде наблюдается тенденция к расщеплению идеологически центральных понятий по дуалистической схеме «друг – враг». Это может выражаться в том, что имеющиеся синонимы получают **аксиологически противоположное смысловое наполнение и таким образом способствуют языковому делению мира.**

Помимо аксиологической поляризации лексики, значимыми характеристиками языка советской пропаганды (идеологический дискурс) является также создание неологизмов (в том числе и аббревиатур) и идеологическая монополизация определённых понятий. Что касается языка нонконформистского (обыденного) дискурса, то для него, с нашей точки зрения, характерен значительный лингвокреативный потенциал, реализуемый в многочисленных номинациях с негативными и шутливо-ироническими оценками, в которых проявлялась реакция на советскую риторику в целом и героизацию труда в частности: *скоммуниздить, кастрировать, марксизм-колбасизм, несун, окоммуничиться, принудиловка, стакановец* и др. [11], и в прецедентных высказываниях: *Спокойнее, вы не на работе; Чтоб ты жил на*

одну зарплату; Если хочешь поработать, ляг посты и всё пройдёт; Делу время – потехе деньги [6].

Основными номинативными единицами, вербализующими труд в русском языке, являются следующие лексемы и их производные: *трудиться, работать, служить, делать*.

В словарях XX века слово *работа* приобретает новое абстрактное значение 'действие вообще'. В ТСУ оно дано с пометой *только ед.*, что накладывает ограничения на возможность конкретизации. Появление абстрактной семемы, по-видимому, обусловлено требованиями новой советской идеологии и соответствующего дискурса, который пытался привнести новые смыслы, новое содержание в каждое явление действительности, как старое, так и новое. Механизмами этого процесса, безусловно, выступали языковые средства. Иллюстрация словарной статьи отражает регламентированное употребление слова *работа* в «советском» языке: *Граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. Конституция СССР* [10, т. 3, с. 1097]. Маркером советского времени, который всё же обнаруживает семантическую преемственность лексемы *работа*, является семема 'форма принудительного труда': *Принудительные работы. Каторжные работы* [10, т. 3, с. 1097]. Характерным показателем переосмысления работы в советский период является повышение значимости работы как источника заработка. Это значение становится концептуально значимым, поскольку даёт производные неологизмы: *зарплата, заработная плата, заработок*.

Различия *труда, работы и служения* поддерживаются словообразовательными потенциями лексем: *трудолюб, труженик, трудолюбивый, сотрудник – рабочий, работник, партработник, культработник, медработник, чернорабочий, разнорабочий, ответработник, совработник, политработник, политпросветработник – служащий, служба, службист, военнослужащий, совторгслужащий, совслужащий* [см. подробный анализ «труд», «работа», «делать»: 5, с. 34–36].

Ценностный потенциал *служения* реализован в военной лексике: *военнослужащий, военная служба, служить Родине, своему народу, Отечеству, служба*, воинская присяга *Служу Советскому Союзу* и др. Идею служения актуализирует идеологемный компонент «самоотверженный труд на благо Родины»: *трудовой подъём, трудовой энтузиазм, социалистическое соревнование, передовик, ударник, ударница, ударничество, стахановец, выполнить, перевыполнить (план), соцобязательство* и др.

Ценностный потенциал *труда* реализован в субстантивированном причастии *трудолюбивый*, которое становится синонимом слова *народ*. *Трудолюбивый* (дублет *труженики*) – это рабочие и крестьяне (синоним – *колхозники*): *Только у нас, в Советской стране, существует правительство, которое стоит горой за рабочих и крестьян-колхозников, за всех трудолюбивых города и деревни* (Ста-

лин). Таким образом, ценностный потенциал труда=служения используется при создании лингвоидеологием советской пропаганды.

Наибольшим словообразовательным потенциалом обладает производящая основа *работ-а-ть*. Среди производных первое место по численности занимает значение 'лицо, выполняющее действие, названное производящей основой' – 41 дериват от *работ-а-ть*, 13 – от *труд-и-ть-ся* [9, т. 2, с. 5–7, 264–265]. Единство *рабочего класса (пролетариата)* и *крестьянства (тружеников села)*, согласно советской идеологии (*смычка города с деревней*), получает вербальное воплощение в неологизме *рабоче-крестьянский*.

Языковая объективация **трудо́вой деятельности** в советский период представлена многочисленными неологизмами-советизмами: *многостаночник, человеко-день, человеко-год, субботник, воскресник, партработа, главкомтруд, госкомтруд, соцтруд, прогрессивка, вахтовик, трудовая вахта, трудармия, труддесант, трудмобилизованный, трудодень, трудовик, трудочас, трудовоповинность* и др., уплотнившими номинативное пространство трудовой деятельности в языковом сознании.

Институализация трудовых отношений привела к появлению таких лексем, как *Главкомтруд, Госкомтруд, НОТ (научная организация труда) наркомтруд, зарплата, премия, трудовой стаж (ранее выслуга), отпуск, отпускные, пенсия, пенсионер, прогул, прогульщик, прогрессивка, больничный, нетрудоспособный* и др.

Вербальные репрезентанты концепта ТРУД развивают семантику *труда* как: 1) воспитательной меры, предмета обучения: *трудоповинность, исправтруддом, принудиловка, труддом, исправтрудлаг, принудительный труд, исправительный труд, трудовое воспитание, уроки труда (труды)* (ср. *трудо-вик* – учитель труда); 2) подвижничества в трудовой деятельности – *трудовые подвиги, герой труда, трудовая доблесть, героизм в труде, самоотверженный труд*; 3) **советского труда** – *социалистический труд, соцтруд, свободный труд, освобождённый труд, труд на благо Родины, общественно-полезный труд, созидательный труд, добросовестный труд*; 4) источника существования – *трудовой народ, трудовое крестьянство, трудовая интеллигенция, нетрудовые доходы, трудящийся, трудящиеся* (ср. *Не трудящийся не ест* [11]). Прилагательное *трудовой* приобретает значение 'живущий своим трудом'; 5) обязательное условие существования советского человека – **трудоустройство**, *всеобщая занятость*, им антонимичны *тунеядство, иждивенчество, трудоповинность* и др. [10; 11].

Церковнославянизм *созидание* как лингвоидеологема труда находит проявление многочисленных языковых фактах советского периода. Как считает Н. А. Купина, «созидание социалистических ценностей (политический строй, партия, хозяйство, культура и др.) – высшая нравственная задача советского народа. Осуществление этой задачи возможно лишь через борьбу и при условии уничтожения всего несоциалистического» [3]. Глагол *созидать* в СЦСРЯ и языке дореволюционной России имел значения 'строить', 'творить' [8, т. 4,

с. 371]. Словарные интерпретации лексем с идеологемной семой 'созидание' в «советском» языке иллюстрируют новые метафорические смыслы: *Строить...* 4. Делать, производить; 5. перен. Организовать, созидать, устраивать, налаживать ...*Партию приходилось строить под огнём жестоких преследований царизма...* (История ВКП(б)). *Интеллигенция строит вместе с рабочими и крестьянами новое социалистическое общество.* (История ВКП(б)); *Создание.* 1. Действие по глаголу создать. *Создание крупного социалистического сельского хозяйства в СССР;* *Создать.* 1. Сделать существующим, вызвать к жизни. *На месте старой, отсталой даже в капиталистическом отношении, страны создан новый строй – социализм в основном построен...* [10].

Идеологема *созидательный труд советского человека* становится ценностью, сопоставимой с этическими категориями *добро, благо, свобода, совесть. Богоугодность, праведность труда* как ценность богословского дискурса уступила место новой версии *созидательного, общественно-полезного труда на благо Родины*. Устойчивые сочетания *честный, добросовестный* актуализируют ценностную составляющую – 'труд, осуществляемый в соответствии с предписаниями идеологии, предоставляет материальные блага для субъекта.' Критерием интенсивности труда служат идеологические клише *трудоу энтузиазм, трудовой подъём, трудовой героизм*, где лексемы *энтузиазм, подъём и героизм* сводятся к синонимам, а прилагательное *трудоу* выполняет прагматическую функцию мобилизации адресата, привлечение его к труду.

Героизация труда (*героический, самоотверженный, доблестный = советский, социалистический*) свидетельствует об идеологических наслоениях семантики лексемы *труд* в советском языковом коде, что, по мнению Д. Быкова, было мотивировано желанием тоталитарной системы сделать из повседневного, рутинного труда-пропитания праздник, и поэтому труд стал героическим [1, с. 14–15]. И если в богословском дискурсе героика труда была связана с идеей богослужения, благодаря которому человек богоугодным, праведным, тяжёлым трудом может искупить свои грехи, то в советском официальном дискурсе носителям языка и культуры навязывалась идея, аналогичная богословскому подвижничеству, самоотверженности в труде, благодаря которой советский человек приобретает смысл жизни и всеобщее признание и уважение, став *героем труда, ударником, стахановцем* и т. д. При этом полностью утрачивается значение 'повседневная деятельность человека для личной пользы'.

В советской идеологии ценность труда занимала одну из ключевых позиций. Труд в сознании советских людей имел сакральный смысл. В нормативных текстах декларировалась обязательность труда (*всеобщая трудовая занятость*), всё *трудоспособное население* должно работать (*иждивенчество, тунеядство*), *трудом зарабатывать на жизнь* (иметь *трудоу копейку*). Советская риторика провозглашала то, что именно социализм возвеличил труд, приравняв его к моральной категории, поднял труд до уровня морального поступка. Советский лозунг *«Кто не работает, тот не ест»*, который является цитатой из Нового Завета, позволяет провести аналогию между социали-

стическим и христианским отношением к труду как моральному поступку и моральной ценности. Таким образом, идеологемные компоненты служения и подвижничества стали ценностным основанием и источником для «советского» языка и советской пропаганды в целом. Ср.: *Слава трудовому народу! Трудовая доблесть, ударный труд; Герой социалистического труда, трудовые подвиги* и т. д. Отличия в концептуализации труда в советском и христианском сознании касаются целей и мотивов труда: труд для советского человека и есть мера смысла жизни, *только трудом велик человек*, советский человек трудится на благо Родины; а праведный христианин трудом служит Господу, искупает тяжёлым физическим трудом свои грехи. Так, на одном из съездов ЦК КПСС был провозглашён лозунг и задача: *Способствовать превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека!*

Однако конкретный субъект трудовой деятельности (*колёсико и винтик*), как и в православной ценностной системе, так и в советской, уходит на задний план, выполняя инструментальную функцию и становясь обезличенной массой: *трудящимися массами, трудовыми ресурсами, трудовыми резервами, советскими кадрами, трудовыми кадрами, партийными кадрами, руководящими кадрами (кадры решают всё)* и т. д. Вводятся единицы учёта труда: *трудодень, трудочас, человеко-день, человеко-час* и др.

Таким образом, православные ценности были положены в аксиосистему труда советского пропагандистского дискурса, поскольку никакое искусственное насаждение ценностей без опоры на уже существующие в языковом сознании ценностные смыслы не способно оказать существенное влияние на национальную аксиосферу.

Коллективистские ценности также занимали ключевую позицию в советской трудовой идеологии. Приоритет общественных мотивов выражался в известной сталинской формуле: *Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства*, – которая также имела корни в русском языковом сознании (ср. с идеей служения Отечеству и царю). Личные интересы отдельного человека, отдельной семьи и даже какой-либо социальной группы или организации рассматривались как подчинённые общегосударственным целям и интересам. Игнорирование личных интересов работника прикрывалось в официальном идеологическом дискурсе идеей о том, что в условиях общественной собственности на средства производства все граждане являются собственниками, совладельцами, и поэтому их интересы и интересы государства, как правило, совпадают. Отсюда и закономерный логический вывод власти, что при социализме человек работает сам на себя. Таким образом, коннотации труда, порождённые идеологически ориентированными контекстами, так или иначе отражают идеологические ценности. Такие коннотации способны влиять на денотативную часть значения, лишая её нейтральности.

Негативные явления в организации трудовой деятельности советских людей – «искажения социалистической морали», с которыми нужно было вести

активную борьбу, получили следующие номинации: *аврал, штурмовщина, простой, прогул, прогульщик, халтура, очковтирательство, цеховщина, несунны, дялечество, саботаж, бракодел, обезличка, уравниловка, вольнка, расхититель, расхитительство, кампанейщина, групповщина* и *нетрудовые доходы*.

Образно-оценочные компоненты концепта ТРУД в «советском» языке зафиксированы в милитаристских (военных) метафорах: *трудмобилизованный, труддесант, трудармеец, трудармия, фронт труда, трудовой фронт, фронт работ, штурмовщина, битва за урожай, передовые позиции тружеников, передовики производства, ветеран труда, герой труда, трудовая доблесть* и др.

Семантика вознаграждения за труд закреплена в синонимическом ряду с доминантой *зарплата*: *получка, прогрессивка, натуроплата, премия, аванс. Гонорары* получают работники сферы культуры и искусства. Уравнительность в оплате труда вербализована в лексемах *уравниловка, уравниловец*. Доходы населения могли быть *трудовыми* и *нетрудовыми*. В языке советского периода возникло понятие *нетрудовые доходы*, под которым понимали доходы от спекуляции, валютных операций, частной предпринимательской деятельности, оказания услуг, репетиторства, ремонта бытовой техники, частого извоза, деятельности подпольных цехов (побочных производств, продукция которых продавалась «налево»). *Спекуляция* – приобретение товаров с целью последующей продажи по завышенной цене, валютные операции, доход, полученный присвоением чужого труда (*эксплуатация*). Основным признаком *нетрудовых доходов* было то, что они не были связаны с работой человека на государственном предприятии. Пенсии, стипендии, вклады в сбербанках и проценты по ним, а также выигрыши в государственной лотерее не считались *нетрудовыми доходами*.

Семантика профессионального уровня и качества труда получила развитие в инновациях *специалист, бракодел, халтуристик* и устойчивых номинациях *знаток своего дела, мастер своего дела, знак качества*. Лексема *мастер* перешла в разряд номинаций должностей и званий: *мастер производственного обучения, старший мастер, заместитель мастера, помощник мастера*.

Таким образом, в период интенсивной идеологизации труда в русском языке советского периода наряду с обновлением языковых средств отмечается использование старого стереотипного фонда, что свидетельствует о возрождении, преемственности прежних ценностей трудовой деятельности. Деидеологизация (разрушение идеологием досоветского времени) совершается отбором новых «идеологически не скомпрометированных слов», хотя наблюдается и новое лексическое наполнение старых образно-перцептивных компонентов.

Литература

1. Быков Д. Блуд труда : [эссе] / Д. Быков. – СПб. : Лимбус Пресс, 2002. – 130 с.
2. Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира. (Язык. Семиотика. Культура) / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
3. Купина Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург, Пермь : ЗУУНЦ, 1995. – 143 с.

4. Купина Н. А. Динамика идеологического фонда русского языка : актуальные тенденции // Современная политическая лингвистика : проблемы, концепции, перспективы : [сб. науч. тр. ВГПУ; Волгоградский институт бизнеса]. – Волгоград : Изд-во ВГПУ “Перемена”, 2009. – С. 158–168.
5. Токарев Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Токарев. – Волгоград, 2003. – 46 с.

Лексикографические источники

6. Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени : [толковый словарь] / Людмила Петровна Дядечко. – М. : НТ Пресс, 2008. – 800 с.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.ruscorpora.ru>. – Заглавие с экрана.
8. СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. : 2-е изд. – СПб, 1867.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1990.
10. ТСУ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / [ред. Д. Н. Ушаков]. – М. : Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
11. ТСЯС – Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Статтю отримано 24.09.2015 р.

Яроцька Г. С.

ЦІННІСНІ АСПЕКТИ ВЕРБАЛІЗАЦІ ТРУДОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ РАДЯНСЬКОЇ ДОБИ

Метою роботи є аналіз мовної об'єктивації концептуального простору «трудова діяльність» в російській мові радянського періоду. Робиться висновок про наявність семантичної спадкоємності ціннісних смислів попередніх періодів в лінгвоідеології праці радянської пропаганди. Опертя на ціннісний потенціал праці = служіння, реалізований в семантиці мови дорадянської Росії, сприяло героїзації праці в мовній свідомості радянських громадян.

Ключові слова: праця, радянїзм, лінгвоідеологія, ціннісний потенціал.

Yarotska G. S.

VALUABLE ASPECTS OF REPRESENTATION OF WORK ACTIVITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE SOVIET ERA

The aim of this paper is to analyze the representation of conceptual space «work activity» in the Russian language of the Soviet period. The analysis concludes that there is continuity of the semantic meaning of value in previous period's labor ideology of Soviet propaganda. Reliance on the value potential of labor = service implemented in the semantics of the language pre-Soviet Russia, contributed to the glorification of work in the language consciousness of Soviet citizens.

Keywords: work, Sovietisms, ideology, value potential.